

Император, над которым только что посмеялся собственный родной младший брат, сидел на драконьем троне и, нахмурившись, взял в руки ещё не просмотренный доклад. Спустя долгое время он так и не смог осилить ни единой бумажки. Задумавшись обо всём, он невольно задался вопросом: неужели его глупый сын действительно исцелился?

Му Шэн по-прежнему стоял неподалёку в ожидании. Раз уж шицзу приказал ему отныне неотлучно находиться при Его Высочестве наследнике, он послушно явился сюда. Правда, юноша впервые обнаружил, что император, чьему грозному величию трепетали все вокруг, на самом деле выглядит совершенно... иначе!

— Подойди! — заметив внизу Му Шэна, император небрежно поманил его пальцем. Когда тот приблизился, государь прямо спросил: — Как тебя зовут?

— Ваш скромный слуга Му Шэн, приветствую Ваше Величество.

Му Шэн ответил с поклоном, и каждое его движение было пропитано безупречным этикетом — он разительно отличался от своего наставника, у которого вечно не было никакой стати ни стоя, ни сидя.

— Это Сюань Цзицзы велел тебе прийти?

Взгляд императора, упавший на Му Шэна, был полон пронизательности. Его бесстрастное, внушительное выражение лица давило на юношу тяжким грузом.

На висках Му Шэна выступили капельки холодного пота. Как бы сильно ни колотилось его сердце под мощным давлением императора, он из последних сил держался, не позволяя себе уронить лицо:

— Отвечая Вашему Величеству: именно шицзу приказал мне неотлучно служить при Его Высочестве наследнике.

— Хм! — пренебрежительно бросил император. — У меня в подчинении полно талантливых людей. С чего вдруг мне отказываться от множества стражников ради того, чтобы приставить к наследнику именно тебя?

Му Шэн знал, что это проверка. Если его ответ не удовлетворит государя, тот вряд ли позволит ему остаться подле наследника — даже несмотря на заступничество шицзу.

Вдохнув и выдохнув, Му Шэн набрался храбрости и поднял голову:

— Ваш ничтожный слуга, пожалуй, уступает стражникам, которых Ваше Величество определил к Его Высочеству, но я готов идти впереди наследного принца, не страшась даже смерти.

— Запомни: раз уж ты хочешь остаться возле наследника, у тебя может быть только один господин — это сам наследник, и повиноваться ты должен приказам только одного его, — в чуть сузившихся глазах императора мелькнул острый блеск. Спустя мгновение, заметив замешательство и изумление Му Шэна, он переспросил: — Ты понял мой смысл?

По всему телу Му Шэна катился холодный пот. Стиснув зубы, он осторожно кивнул:

— Понимаю.

Он никак не ожидал, что даже узнав о полном выздоровлении наследного принца, государь всё равно сохранит к нему столь безграничное доверие и любовь, не испытывая ни малейших подозрений или опасений.

— Раз наследник поправился, пора приступать к учёбе и нагонять пропущенные занятия. С сегодняшнего дня ты будешь наставником наследника. Пусть у тебя нет официального титула учителя наследного принца, на тебе лежит обязанность обучать его и наставлять на верный путь! — закончив говорить, император лениво откинулся на спинку кресла и небрежно махнул рукой. — Всё понял — ступай в Восточный Дворец, приступай к обязанностям!

Му Шэн с глубоким почтением вышел из кабинета государя. Император же взял поданную Цинцю чашку горячего чая, мысленно вспоминая все выходы этого наглеца в Восточном Дворце, и наконец не выдержал — злосчастно рассмеялся:

— А ведь этот глупый мальчишка и впрямь меня одурачил.

Цинцю улыбнулась:

— То, что Его Высочество наследник полностью исцелился — великое благо для Великого Ци. Впрочем, как только что заметил князь, похоже, Его Высочество просто испугался, вот и притворялся слабоумным, чтобы обмануть Ваше Величество.

— Тц-тц-тц, едва придя в себя, этот негодник сразу же затеял такое представление. Видимо, сколько лет пил лекарства — совсем мозги от них расплавились, — император без малейшего стеснения отчитал собственного бестолкового сына, после чего опустил чашку и поднялся на ноги. — Нет, так не пойдет. Я не позволю какому-то сопляку так легко меня провести, надо непременно отыгаться и урвать свою выгоду.

С этими словами император вышел из кабинета. Шуанси шел следом с лицом, выражающим крайнюю беспомощность: годами выдерживая давление и уговоры министров, их государь наверняка накопил внутри немало горечи и гнева, а теперь, когда наследник выздоровел, грех было упускать возможность поразвлечься за счёт Его Высочества.

Вот только, если за наследного принца заступится государыня Императрица, внакладе в итоге

останется сам император.

На лице Шуанси промелькнула улыбка: впрочем, пожалуй, даже оставшись в дураках, государь сочтет это забавным.

Тёплые лучи солнца падали на плечи. Цзян Ли примостился на коленях Императрицы и сам не заметил, как заснул. Когда император, пылая энтузиазмом, явился потрепать нервы этому негоднику, его взору предстала столь идиллическая картина единения матери и сына.

Картина-то была идиллической, вот только места для него самого там не оставалось вовсе.

Император мысленно скрежетал зубами: этот паршивец становился всё наглее! Мало того, что скрыл от него своё выздоровление, так теперь еще и норовит отнять у него жену.

При этой мысли император широким, уверенным шагом направился к залитым солнцем жене и сыну. Его тень упала на Цзян Ли, который проспал уже добрых полчаса.

Проснувшись с тяжёлой головой, Цзян Ли еще не до конца пришёл в себя, как вдруг чья-то крупная рука опустилась ему на макушку и принялась безжалостно и истово взъерошивать волосы.

Тут же окончательно протрезвевший Цзян Ли с растрёпанной на голове птичьей гнездой посмотрел на ухмыляющегося императора и, воспроизведя воспоминания прежнего владельца тела, глуповато и простодушно протянул:

— А-яй.

Вот ведь вжился в роль! Император в упор смотрел на дурашливую ухмылку своего сынка-щенка и, растирая зудящие от желания руки, уселся с другой стороны от Императрицы:

— Мелкий негодяй, это моя жена. Хочешь почивать на коленях у красавицы — ступай и ищи себе собственную жену.

С этими словами император уже не мог сдержать свои греховные руки и «свирепо» отпихнул паршивца, прильнувшего к его супруге.

На лице оттолкнутого Цзян Ли застыло чистое изумление: почему этот фальшивый папаша может быть таким по-детски наивным? Неудивительно, что в будущем у него увели дом — дело тут явно не только в том, что автор урезал интеллект второстепенных персонажей.

Будучи обычным городским жителем, Цзян Ли не умел профессионально управлять мимикой, как актёр, поэтому всё его недоверие и брезгливость чётко отразились на лице.

Император едва не рассмеялся от злости на своего щенка: что это за непочтительный взгляд у этого наглого сорванца? Вылитое приглашение отвесить затрещину.

— Кхе-кхе, папаша захотел пить, ступай-ка, А-Ли, принеси отцу чашку горячего чая.

— Папаша проголодался, ступай, А-Ли, помоги принести сюда те пирожные из залы.

— Что-то у папаши сегодня плечо побаливает, А-Ли ведь наверняка жалеет отца — не помассировать ли ему плечи и шею?

...

Не прошло и четверти часа с тех пор, как император пожаловал в Восточный Дворец, как его безжалостный язык ни на минуту не замолкал — он то и дело гонял Цзян Ли туда-сюда, заставляя суетиться и бегать по комнатам.

Цзян Ли отчаянно хотел объявить забастовку, но, судя по воспоминаниям прежнего хозяина тела, император действительно частенько просил сына выполнять посильные мелочи — главным образом следуя совету императорского лекаря У, чтобы стимулировать работу мозга глуповатого наследника.

Императрица, давно раскусившая дурацкие шуточки мужа, с упрёком глянула на него, но останавливать не стала, с живым интересом наблюдая за тем, как их сын под отцовскими приказами крутится юлой, словно трудолюбивая пчёлка.

Государственный наставник не обманул их: хоть А-Ли и изображал слабоумного весьма убедительно, в его мимолетных мимических движениях проскальзывало нечто неизъяснимо живое — та самая жизнь, которой в нём раньше не могло быть и в помине.

В глазах Императрицы невольно заблестели слёзы, а в следующий миг муж крепко прижал её к груди:

— Наш А-Ли наконец-то выздоровел, моя девочка должна радоваться.

Се Цинцю прижалась к плечу императора и сквозь слёзы кивнула:

— Верно, А-Ли с таким трудом исцелился, и мне, матери, положено радоваться...

Загнанный императором до потери пульса Цзян Ли в очередной раз ощутил всю горечь доли трудяги. Медленно волоча ноги, он нёс блюдо с пирожными, как вдруг на полпути заметил Императрицу, безмолвно роняющую слёзы на груди императора.

Шаги Цзян Ли оборвались. В груди у него внезапно зашевелилось какое-то странное, кисло-горькое чувство, от которого глаза мгновенно защипало. Не сказав ни слова, он сунул поднос с лакомствами в руки Шуанси, резко развернулся и быстрым шагом направился в сторону спальни.

Увидев, как его глупый сынок в панике убегает в покои, император вмиг повеселел. Не спеша преследовать мальчишку, чтобы подразнить его, он обнял Се Цинцю:

— Давай-ка вернемся, пусть наш щенок поразмыслит над жизнью в одиночестве.

Императрица укоризненно шлёпнула императора по руке:

— То и дело повторяешь про щенка, а ведь А-Ли — твой родной сын. Если он щенок, то кто тогда Ваше Величество — злобный пес?

Император ничуть не смутился. Подушечками пальцев он нежно оглаживал нежное запястье жены, произнося низким голосом:

— Верно, я — злобный пёс, преданный лишь моей девочке.

Добравшись до спальни, Цзян Ли с размаху уткнулся лицом в одеяло. Он прекрасно понимал, что он — не прежний хозяин тела, что он не принадлежит этому миру... но перед лицом материнской нежности и заботы Цзян Ли, никогда прежде не знавший тепла родительской любви, так остро почувствовал себя несчастным, что ему захотелось убежать как можно дальше.

При мысли о побеге Цзян Ли стрелой подскочил на кровати. Нет, погодите-ка, только сейчас до него дошло: с чего это фальшивый папаша сегодня с таким усердием гонял его туда-сюда? Наверняка же узнал от Сюань Цзицзы, что рассудок юноши полностью прояснился.

Судя по тому, как император души не чает в своем старшем законном сыне, стоило наследнику обрести разум, как отец непременно вытолкнул бы его перед лицом придворных чиновников и даже заставил бы вникнуть в государственные дела... Нет! Цзян Ли судорожно скомкал в кулаках одеяло — он так точно не сможет. Как только он ступит на политическую арену, шпионы Цянди, внедрённые в Великое Ци, немедленно доложат об этом своим хозяевам.

Прежний наследник изначально был пешкой, подброшенной им в императорский дом Великого Ци. Если весть о его выздоровлении дойдет до врагов, они непременно воспользуются наследником, чтобы ускорить осуществление своих планов.

Цзян Ли трезво оценивал собственные силы: он прекрасно знал, что ему не спасти Великое Ци, против которого играл сюжетный ореол главного героя, но и помогать злодеям угнетать его фальшивых родителей по канону он тоже не собирался.

Поэтому единственным выходом, который смог придумать Цзян Ли, был побег. К тому же, стоило ему успешно скрыться, как он смог бы идеально уклониться от шпионов Цянди, затаившихся во дворце, и кто знает, возможно, оказавшись «вне игры», он действительно сумел бы хоть чем-то помочь Великому Ци.

С этой мыслью Цзян Ли торопливо спрыгнул с кровати — и в тот же миг почувствовал, как странно уменьшился в размерах. Его привычный ловкий прыжок превратился в неуклюжий кувырок прямо на расстеленном ковре, после чего рухнувшая сверху одежда накрыла его целиком.

— Мяу-мяу-мяу?

С чего это он снова превратился в маленького котёнка? Разве он не только что вернул человеческий облик?

Котёнок совершенно потерял ориентацию от такого падения. Кое-как устояв на лапках и выбравшись из-под тяжёлых одежд, он вспомнил про свой грандиозный план побега, и в ту же секунду вся его кошачья сущность уныло поникла.

Будь он взрослой кошкой, он бы еще смог, используя кошачью ловкость, тайком выбраться из дворца. Но сейчас он — крошечный котёнок, у которого лапы разъезжаются при ходьбе; он наверняка попадетсЯ стражникам, едва успев выскочить из Восточного Дворца.

Растянувшись на горе одежды, котик уныло мяукнул и потерял всякое желание даже шевелиться.

Услышав жалобное мяуканье, Му Шэн велел Шуанси подождать снаружи, осторожно ступил в покои наследного принца и, как и ожидалось, обнаружил там Его Высочество, обратившегося в кота.

Быстро подойдя, Му Шэн подхватил маленького котёнка на руки и нежными подушечками пальцев пригладил его растрёпанную макушку:

— На полу холодно, позвольте Му Шэну поносить Ваше Высочество на руках!

— Мяу~ — еле слышно выдохнул Цзян Ли, поднимая крошечную головку и приветствуя Му Шэна, после чего тут же уткнулся аккуратно приведённой в порядок макушкой прямо в грудь юноши. Даже в депрессии он намерен был отыскать для себя самое уютное местечко.